

Ниййа – понятие *мусульманской этики*, буквально означающее намерение и выражающее твердую решимость совершить поступок (*Фи'л*). Будучи близким к понятию “цель”, Н.-намерение, однако, не совпадает с ним. Если верно, что у всякого действия есть намерение, то необходимо верно и обратное: всякое намерение сопровождается действием, и без этого оно перестает быть намерением. Намерение отличается и от воли, желания (*ирāда*) в широком понимании этих терминов, поскольку желания могут и не быть непосредственно связаны с действием.

Намерение является таковым не само по себе, но только если оно непосредственно вызывает действие. Если за намерением не следует действие, когда оно могло бы последовать (т.е. когда нет препятствий-мавāни'), намерение перестает быть таковым. С т.з. исламской этики намереваться – значит действовать. Имеется в виду непосредственное действие: действие не может быть откладываемо “на потом”, разрыв между намерением и действием уничтожает связанность между ними и просто означает, что намерение не вызвало действие, а значит, и не было намерением.

Положение о неперемнной связанности намерения и действия имеет силу только относительно тех случаев, когда такая связанность может состояться. В том случае, если действие не может быть совершено по объективным причинам, его отсутствие оказывается извинимым, намерение считается имевшим место, а само действие как бы состоявшимся. Исламская этика не ориентирует на достижение цели “непрерменно”, “во что бы то ни стало”. Этическая интуиция ислама – это интуиция *умеренности*, а не максимума, для нее “достижение недостижимого” является бессмысленным, “преодоление непреодолимого” – абсурдным, а достижение оптимума – искомым и понятным.

Намерение, утверждая действие в бытии, и само предполагает прежде всего твердость, неколебимость. Эта твердость намерения выражается как искренность, с одной стороны, и как непосредственная эффективность (способность вызывать действие непромедлительно), с другой. Отсутствие этих качеств в намерении приводят к разрушению действия: даже если оно “сделано”, оно не является действием. Тщеславие, гордость и лицемерие неизменно и устойчиво оказываются среди наиболее осуждаемых качеств. Причина их осуждения не в том, что они удалены от блага или добра. Этих качеств следует избегать потому, что они портят предпринимаемые действия, к-рые тем самым совершаются без должного намерения.

Точно так же подверженность страстям (“хаван” – тж. своеволие, каприз) является одним из кардинально осуждаемых в исламской этической теории качеств. Однако дело не в том, что своеволие или капризность плохи сами по себе или в силу связанности с другими осуждаемыми качествами, причина их осуждения прежде всего заключается в том, что подчинение прихотливым капризам означает нетвердость намерения совершать требуемые действия и

отвлекает человека от них, что недопустимо, даже если такое отвлечение не постоянно, но временно. Дело в том, что если намерение не влечет действие непосредственно, оно считается несостоявшимся и не имевшим места, а само действие — испорченным, а значит, своевольные капризы мешают утверждению действий в бытии.

Действие и намерение полагают и пред-полагают друг друга как понятия: они оказываются взаимным условием осмысленности. Намерения и действия определяют также правильность (сйхха) друг друга. Неправильное намерение означает испорченность действия, даже если само действие ничем не отличается от того, что совершено с правильным намерением. Действия классифицируются в зависимости от намерений, хотя и классификация намерений, в свою очередь, зависит от вызываемых ими действий (см. Маслаха).

См. лит-ру к *Мусульманская этика*.